

Виталий Иванов

К КРИТИКЕ
СОВРЕМЕННОЙ
ТЕОРИИ
ГОСУДАРСТВА

Виталий Иванов

**К критике современной
теории государства**

«Территория будущего»

Иванов В. В.

К критике современной теории государства / В. В. Иванов —
«Территория будущего»,

Свою новую книгу Виталий Иванов задумал, по собственному признанию, как межжанровую. Это сборник научно-публицистических очерков и одновременно учебное пособие. Иванов изложил свои оригинальные взгляды на классификационные различия форм правления, государственного устройства и политического режима, а также на само понятие государства (и сопутствующее ему понятие суверенитета). Для студентов, аспирантов, молодых преподавателей, начинающих аналитиков и журналистов. А также для всех, кто интересуется политической теорией, теорией государства и готов воспринимать критику традиционных подходов.

Содержание

От автора	5
I	6
II	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Виталий Иванов

К критике современной теории государства

От автора

Современная теория государства, излагаемая в учебниках и преподаваемая в рамках соответствующих курсов будущим философам, политологам, юристам, исходит из того, что форма государства как общетеоретическое понятие и как политическая реальность может рассматриваться как сумма понятийных элементов. К числу таковых относят формы правления (государственного правления), устройства (государственного устройства) и режима (политического режима, порядка). Этот подход, безусловно, адекватный. Однако, по моему мнению, неадекватны широко распространенные представления о конкретных формах правления, устройства и режима. Неадекватны как историческому, так и современному опыту. Сами слова «монархия», «республика», «федерация», «демократия» превратились в клише, которые штампуют не задумываясь, руководствуясь некими якобы общеизвестными «истинами». В данной работе изложены идеи, которые, думается, могли бы быть использованы при разработке новых классификаций форм правления, устройства и режима, а следовательно, для ревизии важной составляющей теории государства, теории политической системы.

Свои рассуждения о формах правления, устройства и режима я решил сопроводить, с одной стороны, краткими описаниями понятий государства и суверенитета, а с другой – справочным очерком о российском (и советском) государственном опыте.

Работа была задумана междисциплинарной – на стыке юриспруденции и политологии, и межжанровой – как сборник научно-публицистических очерков и учебное пособие. Очень надеюсь, что студенты и аспиранты смогут почерпнуть из нее факты и интерпретации, которые подвигнут их к критическому переосмыслению того, чему их учили и учат.

I

Понятие государства (Государство и суверенитет)

Часто утверждается, что единого общепризнанного понятия государства не существует. С одной стороны, это действительно так. С другой стороны, никто не сможет поспорить с тем, что *государство* 1) *суть политическая организация – объединение людей, организованное на властных началах*, 2) *немыслимо без территории*, т. е. части Земли в определенных границах, на которую распространяется государственная юрисдикция. Поэтому уже достаточно давно сложился доктринальный консенсус об *обязательных элементах государства*: 1) *народонаселении*, в наши дни, как правило, составляющем нацию, 2) *обособленной территории*, 3) *публичной власти*, которой подчиняется это население, которая распространяется на эту территорию, собственно, *государственной власти*.

Упрощенно говоря, *государство есть совокупность населения, территории и публичной власти*. При этом следует иметь в виду, что очень часто государством называют только *аппарат государственной власти*, *государственный аппарат* – политическое руководство (верховная, высшая власть), чиновничество, армию, полицию, суды и пр. Это, если угодно, *государство в узком смысле*. В конце концов, история любого государства есть в первую очередь история государственной власти.

Однако эти определения нуждаются в принципиальном дополнении. Ведь регион или муниципалитет также можно описать как совокупность населения, территории и публичной власти. При этом государствами они не являются, поскольку их жители – граждане (подданные) государства, их территории – составные части территории государства, а их власти так или иначе подчинены государственной власти. Возникает объективная необходимость дополнить описание государства указанием на его *суверенитет*, т. е., согласно классическим определениям, на его *независимость, самостоятельность во внешних и внутренних делах и верховенство в собственных пределах*. В отличие от любой другой власти, распространяющейся на те или иные территории внутри государства, на тех или иных жителей и / или их коллективы, государственная власть суверенна. Таким образом, получается, *суверенитет делает государство государством*.¹

Классические определения суверенитета, как представляется, следует корректировать, уточнять. Так, Карл Шмитт полагал, что суверенен лишь тот, «кто принимает решение о чрезвычайном положении» и «в чьей компетенции должен быть случай, для которого не предусмотрена никакая компетенция». Иначе говоря, тот, кто устанавливает нормы, должен быть правомочен их менять и нарушать, без этого никакой подлинной независимости, полновластия, верховенства нет и не будет. Естественно, речь идет не о государственно-правовом инсти-

¹ 24 октября 1648 г. в Мюнстере и Оснабрюке были подписаны мирные договоры, поставившие точку в Тридцатилетней войне, в которую были вовлечены, кроме прочих, Священная Римская империя, ее субъекты (Бавария, Саксония и пр.), Швеция, Франция, Дания, Испания. Принято считать, что с Вестфальского мира также начинается история суверенитета как правового института. Международную систему, основанную на суверенном равенстве называют «вестфальской». Хотя в действительности те договоры в первую очередь отражали интересы победителей – Франции и Швеции, которые территориально приросли за счет Империи. От нее также были окончательно отторгнуты Швейцария и северонидерландские провинции. Субъекты Империи существенно расширили свою самостоятельность, но были связаны обязательством не заключать договоры, входящие в противоречие с императорскими интересами и т. д. Вообще история становления института суверенитета – это цепочка сложных и довольно противоречивых исторических событий, включающая не только Тридцатилетнюю войну и Вестфальский мир, но и многовековую централизацию европейских государств, включая Русь, сопряженную с борьбой с универсалистскими проектами императоров и римских пап (и борьбу этих проектов), Реформацию и религиозные войны, а затем Французскую революцию, революционные и наполеоновские войны, Венский конгресс и т. д.

туте чрезвычайного положения и тем более не о легальном «праве на произвол», а о теоретическом праве в исключительной ситуации, нигде не описанной и никем не предусмотренной, изменить существующий правопорядок.²

Вместе с тем надо иметь в виду, что согласно современным представлениям государство либо учреждено его населением-нацией, либо им «переформатировано» по итогам революции, освободительной войны, реформ и что именно нация является носителем суверенитета, сувереном, источником и носителем власти³. Нация реализует суверенитет на выборах, референдумах и т. п., и государственный аппарат в принципе подчинен и подотчетен ей. Но одновременно нация в целом и каждый конкретный ее представитель ограничены своим подчинением власти. Иначе какая же это власть? Здесь возникает противоречие. Поскольку нация – суверен, то выходит, что суверен самоограничивает себя. Однако *если суверен чем или кем-либо ограничен, хотя бы и самим собой, то он a priori перестает быть сувереном в полном смысле этого слова. И тем более суверен не может быть никому и никак «подчинен»*. Продолжая известную мысль Эдмунда Берка, нужно констатировать, что *теория «народного суверенитета» находится в непримиримом, непреодолимом противоречии с понятиями власти и государства*.

Думается, куда логичнее и правильнее исходить из того, что, во-первых, *власть и суверенитет в принципе имеют божественный источник, или же что объективная необходимость в государственной власти, в суверенной политической организации выступает их «источником»* (либо, как утверждал Берк, «государства хотел Бог», либо государства необходимы, поскольку альтернатива им лишь гоббсовская «война всех против всех»). Во-вторых, *носитель суверенитета, суверен – государство в целом. В-третьих, реализует суверенную власть государственный аппарат, должный выражать и защищать интересы государства. Еще правильнее будет сказать, что суверенную власть в интересах государства реализуют правители, политические лидеры, политическое руководство*.

Однако и здесь с суверенитетом не все так просто и однозначно. Ведь в любом государстве устанавливается правопорядок, регламентирующий в том числе осуществление государственной власти, а значит, ограничивающий суверена⁴. Кроме того, неизбежное вступление в международное общение – заключение договоров, участие в деятельности международных организаций – автоматически влечет ограничение суверенитета обязательствами перед другими суверенами, которые тоже ограничивают свои суверенитеты. *Выходит, что не только нация, но и государство в целом не способно быть суверенным*.

Выдающийся критик самой идеи суверенитета Жак Маритен писал о трех его очевидных значениях:

1) государство обладает абсолютной независимостью по отношению к другим государствам, никакой «международный закон» не может быть воспринят непротиворечивым образом;

2) государство принимает не подлежащие обжалованию решения, обладая «абсолютно высшей властью» («И эта абсолютная власть суверенного государства... над народом тем более неоспорима, что государство принимают за... персонификацию самого народа»);

3) государство реализует власть неподотчетно.

² По Шмитту, государство может приостанавливать действие права в силу своего *права на самосохранение*. Правопорядок – произведен от порядка, а порядок определяется властью суверена. Сущность суверенитета состоит в монополии политических решений. Суверен не нуждается в праве на создание нового правопорядка. Он устанавливает порядок, он создает и гарантирует ситуацию в целом, в ее тотальности. Лучше всего это демонстрируется при чрезвычайном положении. Шмитт резонно замечал, что если юриспруденция и политология не в состоянии адекватно объяснить чрезвычайную ситуацию, то они тем более не в состоянии объяснить большее – динамику политической и правовой ситуации в государстве в целом.

³ Соответствующее положение закреплено в Конституции России – в ч. 1 ст. 3.

⁴ В «шмиттовской» чрезвычайной ситуации правитель или правители объективно обязаны при необходимости выйти за рамки действующего правопорядка ради сохранения государства-суверена. «Законничество» (следование нормам, уже неэффективным и неприменимым) будет не просто неуместным, но прямо преступным.

Спорить с маритеновскими определениями бессмысленно. Он лишь последовательно развил классические определения Жана Бодена и Жан-Жака Руссо.

Получается, что нужно *либо объявлять суверенитет фикцией, фетишем, либо выделять формальный суверенитет*, то есть декларацию, соответствующую теоретическому понятию, нормативно закрепленную и оформленную, признанную международным сообществом, и *фактический суверенитет*.

О *фактическом суверенитете следует говорить как о претензии*. Претензии политической организации на независимость, самостоятельность во внешних и внутренних делах и территориальное верховенство, признаваемой другими политическими организациями с аналогичными претензиями. Претензии, подтверждаемой наличием власти, которую поддерживает население, которая контролирует заявляемую территорию и эффективно управляет ею. Претензии, которая в полном (т. е. в описанном в теории) объеме никогда не реализуется и реализоваться не может, однако все равно должна отстаиваться всеми возможными и допустимыми способами. Претензии, выражающейся в том числе в провозглашении формального суверенитета и позволяющей добиться его официального признания. Претензии, в итоге дающей ту или иную степень автономии, т. е. ограниченной независимости, самостоятельности и верховенства.⁵

Из сказанного следует, что можно быть формально суверенным, а фактически несuverенным, и значит формально считаться государством, а фактически таковым не являться. Единые всеохватывающие критерии здесь сформулировать трудно. Хотя, по-моему, никак не может идти речи о фактическом суверенитете, когда государство из-за своей бедности, интеллектуальной, технологической и инфраструктурной отсталости и т. д. пребывает в политической и экономической зависимости от других государств, международных организаций или транснациональных корпораций, а также когда значительная часть государственной территории оккупирована либо реально контролируется повстанцами или криминальными группировками. Можно использовать специальное понятие *failed state* («неудавшееся государство» или «государство-неудачник»). Под него подпадают многие африканские страны, в первую очередь Сомали, от которого осталось буквально одно название.

Невозможно говорить о государстве и в случае принудительного ограничения суверенитета согласно Уставу Организации Объединенных Наций, в частности в ответ на развязывание войны или с целью ликвидации угрозы миру.

Государство до тех пор действительно государство, пока оно во внутренних делах эффективно подавляет все конкурирующие силы, а во внешних – утверждает себя в качестве равноправного конкурента (здесь я переформулировал тезис Юргена Хабермаса, еще одного «нелюбителя» суверенитета), *пока оно успешно претендует на фактический суверенитет. Именно эта претензия при ее признании и реализации в границах возможного позволяет однозначно отличить государство от любой другой политической организации.*

Нельзя не отметить, что *самый надежный способ претендовать на суверенитет – всячески вмешиваться в дела других государств* (других политических организаций, претендующих на суверенитет), навязывать им свою волю. Тех, кто делает это систематически, и тем более тех, кто имеет «сателлитов», «клиентов», именуют *державами*. Те державы, которым удается диктовать другим державам, называют *сверхдержавами*.

⁵ Конечно, понятие суверенитета было известно не всегда. Как и собственно понятие государства. В аграрную эпоху государство зачастую непосредственно персонифицировал правитель (правители). Подчас государство рассматривалось как личная собственность правителя, и он распоряжался им соответственно. Точнее, то, что мы сейчас определяем как государство, рассматривалось как личная собственность. Правители, имевшие соответствующий ресурс, так или иначе претендовали на независимость, самостоятельность, верховенство. Например, в средневековой Европе помимо империи (карolingской, а затем Священной Римской) были королевства, частично или полностью от нее независимые. Во Франции при Филиппе IV Красивом (1285 – 1314 гг.) даже был сформулирован принцип *rex in regno suo imperator est* («король есть император в своем королевстве»).

Впрочем, для международного права и для права вообще, разумеется, имеет значение только формальный государственный статус, только формальный суверенитет. По сути право не интересует, является ли государство таковым в реальности, его интересует только то, что официально оно признается государством другими государствами.

Единственное международно-правовое определение государства содержится в Межамериканской конвенции о правах и обязанностях государств («Конвенции Монтевидео») 1933 г. Точнее, в ней сформулированы четыре признака государства: 1) постоянное население, 2) определенная территория, 3) собственное правительство, т. е. власть, 4) способность к вступлению в отношения с другими государствами. Последний признак толкуется как наличие официального признания государства другими государствами⁶. Обычное международное право в данном вопросе склоняется считать «квалифицирующим» признаком членство в ООН.

В неофициальном разъяснении ООН о вступлении в нее в качестве государства-члена говорится: «Признание нового государства или правительства – это акт, который могут совершить или отказаться совершить только государства и правительства. Как правило, оно означает готовность установить дипломатические отношения». ООН «не обладает никакими полномочиями признавать то или иное государство или правительство. Являясь организацией независимых государств, она может принимать в свои члены новые государства или принимать полномочия представителей нового правительства». Однако именно принятие в ООН окончательно конституирует формальный государственный статус, формальный суверенитет.⁷

Известны случаи, когда территориальные образования суверенны фактически, не будучи формально суверенными – успешно претендуют на суверенитет, провозгласили его официально, но по тем или иным причинам не допускаются в ООН, не получили официального признания со стороны других государств или же признаются только некоторыми. Их и называют «непризнанными государствами» (Абхазия, Приднестровье и пр.). Большинство из них – реально состоявшиеся государства.⁸

Также нужно отметить, что в мире были и есть «несуверенные государства» – частично «делегирующие» свой формальный суверенитет другим государствам (во внешних, оборонных, судебных делах). Это либо мелкие европейские государства (Андорра, Лихтенштейн, Монако, Сан-Марино), либо бывшие колониальные владения Британской империи (Сент-Китс и Невис и др.) и подопечные территории США (Микронезия, Маршалловы острова и др.).

Членство во многих международных организациях, включая ту же ООН, предполагает отчуждение части формального суверенитета и, разумеется, сокращение фактических суверенных претензий. Представляется, что развитие Европейского Союза (официально к международным организациям не относящегося) переходит или уже перешло ту грань, когда суверенность, а значит, и государственный статус его членов перестают быть бесспорными и становятся

⁶ В международном праве различается официальное признание де-юре, выражающееся в первую очередь в установлении дипломатических отношений (обмене дипломатическими представительствами и пр.), признание де-факто, как правило не влекущее установление дипломатических отношений, реализуемое путем участия признаваемых субъектов в международных конференциях, многосторонних договорах, международных организациях и признание ad hoc – временное или разовое признание.

⁷ Показательно, что в процессе против бывшего президента Югославии и Сербии Слободана Милошевича в Международном уголовном трибунале по бывшей Югославии обвинение опиралось на «Конвенцию Монтевидео», доказывая государственный статус Хорватии в октябре 1991 г. – мае 1992 г., т. е. между вступлением в силу Декларации о независимости бывшей югославской республики и ее принятием в ООН. Таким образом обосновывался международный характер югославо-хорватского конфликта. Судьи согласились с обвинением. Между тем Хорватия самопровозгласилась в нарушение Устава ООН, фиксирующего принцип территориальной целостности государств. Другое дело, что это беззаконие было легитимировано решением о ее принятии в Организацию. В любом случае до мая 1992 г. Хорватия формально не являлась государством.

⁸ Тезис о том, что членство в ООН является «квалифицирующим» признаком формального государства находит свое подтверждение применительно к Израилю, который состоит в Организации при том, что не признается большинством арабских и мусульманских государств.

темой для дискуссии. Чрезвычайно интересна и теоретическая интерпретация ЕС как некоей промежуточной формы между государством и межгосударственным объединением.⁹

⁹ Провал референдумов по утверждению Евроконституции (в Нидерландах и Франции в 2005 г.) и Лиссабонского договора (в Ирландии в 2008 г.) привел к консервации «промежуточного» статуса ЕС.

II

Форма правления

Правление (*государственное правление*) есть *формальная организация верховной, высшей власти в государстве*, в том числе официальный порядок наделения властью главы государства (наследственный, выборный и т. д.) и формирования высших органов власти – парламента или его аналога, правительства (суды же традиционно не рассматривают в контексте форм правления¹⁰), их взаимодействия между собой и т. д. *Через понятие правления также определяются формальные источники и носители государственной власти.*

Принято выделять *монархическую* и *республиканскую* формы правления, монархию и республику (греч. *μοναρχία* – «единовластие», лат. *res publica* – «общее дело»). *Монархии* обычно делят на *абсолютные* и *ограниченные*, а последние на «*дуалистические*» и *парламентские*. *Республики* – на *парламентские*, *президентские* и *смешанные*, т. е. президентско-парламентские и парламентско-президентские.

Разница между монархией и республикой как будто совершенно очевидна. Монархия предполагает принадлежность верховной власти наследственному (наследующему по закону, по обычаю или по воле предшественника) правителю или правящему роду и отбираемому из него правителю. А в республике власть принадлежит некоему коллективу, который может охватывать как крайне узкий круг лиц, так и все взрослое дееспособное население (всю нацию). Этот коллектив осуществляет власть непосредственно или передает ее осуществление в тех или иных пределах и объемах своим представителям – выборным правителям и др. Такой коллектив уместно называть *электоральным* (электоратом). Также иногда указывают, что при монархическом правлении источником власти провозглашается Бог или боги, а поэтому монархи либо объявляются избранниками Бога или воплощениями богов, проводниками божественной воли, либо сами обожествляются. В то время как при республиканском правлении источником власти выступает соответствующий коллектив.

Однако *такое разграничение при обращении к опыту государственного строительства, хоть исторического, хоть современного, оказывается относительно условным.*

Во-первых, были и есть *выборные монархии*. Достаточно вспомнить Византийскую империю¹¹, Священную Римскую империю и Речь Посполитую. Из современных следует упомянуть Малайзию. Известны и многочисленные прецеденты выборов правителей в монархиях, не относившихся к выборным – в случаях пресечения династий и т. п. У нас выборными царями были Борис Годунов, Василий Шуйский и Михаил Федорович. Выборность обычно влечет обязательства и ответственность перед электоратами (пусть даже монархи не считаются их представителями), хотя бы и теоретически, а значит, исключает принадлежность монарху всей верховной власти, исключает собственно единовластие.¹²

Во-вторых, в порядке вещей ограничение власти монархов со стороны выборных (и невыборных) представительных органов, признание последними прав на престол, санкциони-

¹⁰ Это бы усложнило, «утяжелило» описание правления, не добавив ничего по сути.

¹¹ В Византии не было нормативного порядка престолонаследия. Не было даже сколь-либо внятной доктрины преемственности. Теоретически считалось, что император (с VII в. василевс) избирается знатью, духовенством, армией, народом и может быть избран любой, кто этого достоин. На практике императоры сами нередко назначали своих преемников, используя в том числе институт соправления. Т. е. после смерти правителя вопрос о преемстве не вставал в принципе: один правитель умер, но жив другой. Назначение соправителей и наследников могло оформляться избирательной процедурой, точнее процедурой утверждения или даже одобрения выбора, сделанного императором. Подобной процедурой мог обставляться и захват власти.

¹² Карл I/V из дома Габсбургов, один из самых могущественных правителей в истории Запада, объединивший под своей рукой Арагон, Кастилию, Неаполь, Германию, при коронации императором Священной Римской империи в 1520 г. услышал от курфюрстов: «Помни, что этот трон дан тебе не по праву рождения и не по наследству, а волей князей Германии».

рование вступления на престол или легальное свержение монархов. Речь идет не только о современных ограниченных монархиях, но и об исторических феодальных и сословно-представительных монархиях (на Руси были удельно-вечевые и самодержавно-соборная монархии). В более ранние эпохи власть монархов ограничивалась и народными собраниями. Нельзя забывать и о роли религиозных организаций и духовенства, часто ограничивавших светских правителей и порой даже конкурировавших с ними (папство в средневековые времена).

В-третьих, наследственное правление может быть установлено в республике. Во Франции наследственная императорская власть вводилась дважды: один раз по решению представительного органа (в 1804 г. Сенат вверил государство консулу Наполеону Бонапарту), другой раз посредством референдума (в 1852 г. большинство французов проголосовало за восстановление императорской власти, и президент Луи-Наполеон Бонапарт был провозглашен императором). В основанном в 1867 г. Северогерманском Союзе конституционно предусматривалось наследственное президентство королей Пруссии. Это не мешало объявлять Союз республикой. Здесь также нужно напомнить о случаях референдумного «подтверждения» монархического правления, «республиканского переучреждения» монархии (в Норвегии в 1905 г., в Люксембурге в 1919 г., в Бельгии в 1950 г.) Сейчас есть государства, в которых источником и носителем власти конституционно провозглашаются нации и одновременно во власти сохраняются монархи, правильнее сказать «носители монархических титулов». Я имею в виду Бельгию, Испанию, Швецию, Японию и др. Иными словами, элементы республики и монархии легко сочетаемы.

В-четвертых, многие века Бога или богов и электоральные коллективы, в том числе общины, сословия, нации, не противопоставляли друг другу. В Ирландии и многих мусульманских республиках и сейчас на конституционном уровне провозглашается верховенство божественной воли над волями наций. Кроме того, опыт церковно-государственного строительства породил не только специфические монархии (Святой престол, княжества-епископства), но и специфические республики (православная монашеская республика Святая Гора Афон, католические монашеско-рыцарские ордена).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.